

**MORAL LAW GIVES RISE TO MORAL RIGHT.  
MIKHAIL SPERANSKY'S 250<sup>th</sup> BIRTHDAY**

DOI 10.15826/qr.2022.3.703



УДК 94(470)"17/18" + 340.1Сперанский + 35.07 + 321.61 + 323.2 + 930

**Исторический опыт реформирования России  
в проектах и записках М. М. Сперанского\***

**Татьяна Андреева**

Санкт-Петербургский институт истории РАН,  
Санкт-Петербург, Россия

**The Historical Experience of Reforming Russia  
in M. M. Speransky's Projects and Notes**

**Tatiana Andreeva**

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,  
St Petersburg, Russia

This article studies the historical basis of M. M. Speransky's legislative projects and notes, the definition of features of historicism, and the identification of distinctive features of his concept and periodisation of the history of Russia. The most significant feature of Speransky's historicism was a juridical view of the Russian past and also the fact that he regarded the Russian historical process as the evolution of legislation in close connection with the development of statehood. Special attention is paid to Speransky's assessments of the modernisation processes of the seventeenth and eighteenth centuries, the significance of domestic codes and, more particularly, the Regulations of 1649. Also, the author focuses on the role of the "reformers on the throne", i. e. Peter I and Catherine II in developing domestic legislation and improving public administration. The reformer considered the governmental search for the ordering and systematisation of laws over the 100 years of the imperial period a single integral process and an integral part of Russian modernisation, and associated it with the reform of the administrative

---

\* *Citation:* Andreeva, T. (2022). The Historical Experience of Reforming Russia in M. M. Speransky's Projects and Notes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 811–830. DOI 10.15826/qr.2022.3.703.

*Цитирование:* Andreeva T. The Historical Experience of Reforming Russia in M. M. Speransky's Projects and Notes // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 811–830. DOI 10.15826/qr.2022.3.703 / Андреева Т. Исторический опыт реформирования России в проектах и записках М. М. Сперанского // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 811–830. DOI 10.15826/qr.2022.3.703.

system of the empire. Nevertheless, he is characterised by a cautious and balanced attitude to the transformative legacy of the preceding eras. The ambiguity of Speransky's historical assessments relied on the combination of Western-inspired and original tendencies in his historical consciousness. At the same time, the paper shows that his restrained characteristics of unsuccessful experiments on the creation of a new Code, the consequences and results of institutional reforms resulted from the official compromise-driven concept of state-building according to Western models with their adaptation to national conditions, which caused the Russian development model to catch up.

*Keywords:* M. M. Speransky, history of Russia in the 17<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries, Code of 1649, absolute monarchy, government policy in the field of legislation, Commission for drawing up a new Code, modernisation of public administration

Статья посвящена изучению исторической основы законодательных проектов и записок М. М. Сперанского, определению особенностей историзма, выявлению отличительных черт его концепции и периодизации истории России. Важнейшей особенностью историзма Сперанского были юридический взгляд на русское прошлое и рассмотрение российского исторического процесса как эволюции законодательства в тесной связи с развитием государственности. Особое внимание в работе уделено отношению Сперанского к официальному реформаторству XVIII – начала XIX в., определению значения отечественных кодексов, прежде всего Уложения 1649 г., и роли «реформаторов на троне» – Петра I, Екатерины II, Александра I – в становлении отечественного законодательства и усовершенствовании государственного управления. Правительственные поиски упорядочения и систематизации законов почти за сто лет имперского периода (1700–1801) Сперанский рассматривал как единое и целостное явление, составную часть российской модернизации и связывал их с преобразованием административной системы империи. В статье показано, что реформатору было присуще осторожное взвешенное отношение к преобразовательному опыту предыдущих эпох. Неоднозначность исторических оценок Сперанского во многом основывалась на сочетании в его историческом сознании западных и самобытных тенденций. Помимо этого, сдержанные характеристики неудачных попыток создания в XVIII в. нового Уложения, последствий и результатов институциональных реформ определялись официальной компромиссной концепцией государственного строительства по западным образцам с их адаптацией к национальным условиям, что обуславливало догоняющую модель развития России.

*Ключевые слова:* М. М. Сперанский, история России XVIII – начала XIX в., Уложение 1649 г., абсолютная монархия, правительственная политика в сфере законодательства, Комиссия для составления нового Уложения, модернизация государственного управления

12 января 2022 г. исполнилось 250 лет со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839). Крупнейший государственный деятель XIX в., основатель современной системы административного управления, он внес огромный вклад в развитие российской государственности. Однако, несмотря на общепризнанное значение

Сперанского как выдающегося реформатора России, существенно повлиявшего на ее цивилизационную судьбу, в науке по-прежнему нет полного и четкого представления о концептуальных основах его преобразовательной деятельности.

Важнейшей составляющей теоретико-концептуальной матрицы реформаторского наследия Сперанского является его концепция русского исторического процесса, которой до сих пор в историографии не уделяется должного внимания. Единственная работа В. А. Корнилова, посвященная историческим взглядам Сперанского, в большей степени касается историософских и историко-юридических концептов реформатора [Корнилов, с. 16–20]. Между тем, специфической чертой правительственной программы модернизации России, обусловленной внешними и внутренними вызовами и воплощенной в проектах и записках Сперанского александровского и николаевского царствований, была официальная установка на использование преобразовательного опыта предыдущих эпох, позволявшая избежать как ошибок прошлого, так и радикализма западной цивилизации и выработать наиболее безболезненный путь естественного развития.

В предлагаемой статье ставится задача изучить основные аспекты исторической основы законодательных проектов Сперанского, выявить отличительные черты его периодизации и концепции русской истории, рассмотреть методологические подходы к историческим дискурсам, связанным с созданием и эволюцией Российской империи. Актуальность, новизна и научная значимость исследования обусловлены отсутствием специальных работ, посвященных данной теме, а также рассмотрением ее в контексте преобразовательной политики власти. Акцент сделан на анализе тех работ Сперанского, в которых представлены более или менее подробные характеристики и оценки важнейших законодательных и институциональных явлений социально-политической истории России XVIII – начала XIX в.

Александровский период государственной деятельности Сперанского пришелся на время, которое с полным основанием можно назвать эпохой историзма. Начало XIX столетия характеризуется не только общественным интересом к истории России, но и существенными изменениями в отечественном историческом знании, которое именно в это время оформляется в науку. Утверждение принципов историзма, объективности, научного познания прошлого, осмысление его на основе критического анализа источников сочетались с интересом к философии истории. Еще с эпохи Просвещения актуализировался просветительский историзм как определенная система взглядов, важнейшей чертой которой было преодоление метафизического принципа изысканий. Под влиянием просветителей был поставлен вопрос об историческом процессе, то есть о внутренней связи событий, их обусловленности и определенной направленности. Вслед за Вольтером утверждался проблемный подход к изучению и изложению материала, важным при-

знавалось исследование внутреннего строя государства и общества, находившего выражение в состоянии законодательства, экономики, промышленности, финансов. Под воздействием Ш.-Л. Монтескье все более отчетливо проявлял себя юридический взгляд на всемирную историю. Влияние аббата Г.-Б. Мабли сказывалось на распространении идеала представительного правления и критике идейных основ феодализма. Этому же способствовала теория естественного права и общественного договора Ж.-Ж. Руссо, направленная на демонстрацию «неестественности» феодальных порядков и феодального абсолютизма [Алпатов, с. 86–108, 175, 178, 181].

С периода Реставрации, когда совершался переход от просветительского историзма к романтическому в лице либерально-буржуазных мыслителей и историков И. Бентама, Ф.-П. Гизо, Ж. Мишле, О. Тьерри, хотя и являвшихся преемниками просветителей, но преодолевших крайности рационализма и материализма Просвещения, и усилилось проникновение в Россию либеральных идей, историческое мышление стало занимать все большее место не только в русской литературе, но и в политической мысли. К историчности как отношению к прошлому, формирующемуся в результате профессионального исторического исследования, добавлялась историчность как средство создания ценностного представления об истории путем придания ей опытного апробационного смысла, рассмотрения ее как неоконченного процесса. В последнем аспекте центральное место в изучении занимала не столько концепция, сколько историческая память, важнейшими составляющими которой были системный и коммуникативный подходы. С наибольшей яркостью это проявлялось в проективных материалах первой трети XIX в. (официального и личного происхождения), одной из главных задач исторических экскурсов которых было выявление связи институциональных и социальных модернизационных процессов прошлого и настоящего. В проектах и записках этого времени, исходящих от ориентированных на Запад представителей управленческой элиты, помимо стратегической установки на адаптацию к российским условиям европейского либерального теоретического и практического «достояния», просматривается стремление учитывать отечественный реформаторский опыт. Чиновники высшего эшелона власти, впервые в широком объеме получившие возможность участвовать в формировании преобразовательной политики, в своих программных документах сочетали принцип постепенного и осторожного использования достижений передовой философской и социально-экономической мысли с положением об особом историческом пути России, соединяли «либеральные и патерналистские ценности» [Тимофеев, 2006, с. 12, 15, 49, 189–191].

Мобилизацию исторического опыта реформирования России в своем проективном творчестве александровского и николаевского царствований использовал и Сперанский. Постоянным императивом

его сочинений являлась установка на изучение предшествующего преобразовательного багажа. В записке от 15 ноября 1826 г. об организации Комитета 6 декабря 1826 г., главной целью деятельности которого было формирование программы модернизации административной системы и социального строя империи, первой задачей поставлено «рассмотреть историю перемен в общих и главных чертах, особенно перемен, следовавших в течение последних 25 лет» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 99. Л. 4 об.]. Как в опубликованных работах 1801–1809 гг., так и в рукописных проектах и записках Сперанского второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. присутствуют исторические очерки или затрагиваются отдельные вопросы русской истории, связанные с правительственным реформаторством прошлого [Там же. Д. 67. Л. 20–63 об.; Д. 69. Л. 2 об. –9 об.; Д. 75. Л. 5 об., 7 об.]. Об интересе Сперанского к событиям и явлениям русской истории свидетельствуют также материалы, которые сохранились в его архиве. Среди них – выписки из Русской Правды, договорных и жалованных грамот 1328–1486 гг., собственноручный список универсала гетмана Мазепы 1702 г., писарские копии манифеста «О предосудительных поступках царицы Евдокии» 5 марта 1718 г. и всеподданнейшего доклада Сената 13 декабря 1763 г. «об истязании крепостных людей» помещицей Д. Н. Салтыковой [Там же. Д. 871, 873, 879].

В целом для исторического сознания Сперанского, выходца из духовного звания и глубоко верующего человека, характерно сочетание просветительского принципа единства исторического процесса и естественного прогресса, закономерности государственного и общественного развития, важнейшего концепта романтизма о взаимосвязи эволюции природы и истории человечества и идеи Бога как творца всего сущего. Богословские сочинения реформатора за 1801–1836 гг. занимают важное место в его творческом наследии [Там же. Д. 1761–1833]. Но и в преобразовательных проектах Сперанского присутствует идея Божественного происхождения человеческого общества. В работе 1822 г. «Основания российского права» сказано:

Верховный закон Вселенная есть воля Божия. Ею распределяются и ограничиваются силы нравственные для соединения их в один состав, который именуется обществом... Общества человеческие Богом установлены для нравственного людей образования [Там же. Д. 1205. Л. 29 об.].

Тем не менее, реформатор был далек от провиденциальной формы историзма, как и И.-Г. Гердер, отрицал всякий догматизм, в том числе религиозный. Считая, что история человечества представляет собой движение по восходящей линии, главным рычагом цивилизации он определял гармонию двух стихий – законов естественного развития и преобразующей, охраняющей силы государства. В записке 1802 г. «О коренных законах государства» Сперанский указывал:

Каждое государство имеет силы, самую природою в известной степени ему данные... Никакое правительство не может иметь другой цели в установлении своем, как только охранение граждан в их личности, в их имуществе, в их чести [Сперанский, 1961, с. 29, 75].

Историзму Сперанского присущи также следующие главные тенденции, идущие от исторических трудов Монтескьё, Вольтера и Т. Юма: юридический взгляд на историю, идея авторитета разума и роли верховных правителей в развитии правовых и государственно-общественных институтов, а также отрицательное отношение к социальной и политической борьбе. Следует подчеркнуть, что именно сочинения «великого человека Монтескьё», знакомые Сперанскому со времени обучения во Владимирской духовной семинарии, лучшим учеником в классе философии которой он являлся, были предметом его приоритетных обращений и глубоких раздумий [Там же, с. 18, 20, 42, 84, 85, 118].

И все же главным предметом его исторических изысканий являлась отечественная история. Вслед за Монтескьё Сперанский рассматривал российский исторический процесс как эволюцию законодательства в тесной связи с развитием государственности. В упоминаемой записке «Основания русского права» дается следующая периодизация русской истории, обусловленная историей права и состоящая из четырех периодов:

I эпоха: Русской Правды от 1020 до 1550.

II эпоха: Судебника от 1550 до 1649. В сей эпохе оба судебника, как в. к. Ивана Васильевича, так и царя Ивана Васильевича, слагаются воедино: ибо последний есть дополнение и усовершенствование первого.

III эпоха: Соборное уложение от 1649 до 1689.

IV эпоха: законодательство царствования Петра Великого от 1689 до настоящего времени [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1205. Л. 32 об. -33].

Как видно, в полном согласии с идеями Просвещения реформатор отдает предпочтение документам официального происхождения, прежде всего законодательным памятникам. Включение кодексов в решение проблем исторического познания для Сперанского во многом было связано с необходимостью утверждения идеи самобытности отечественного права, положения «о несовместимости Юстиниановой системы с российским законодательством». Он включал Россию в европейский мир, но считал, что история ее права носила самостоятельный характер. В «Трактатах по юриспруденции» 1828–1833 гг. он полностью отвергал рецепцию римского права в российских кодексах и утверждал:

Подлинники законов, до нас дошедшие, указывают нам совсем другие источники. Русская Правда очевидный имеет отпечаток северных германских законов. Новгородские грамоты и судебники разных годов,

сохраняя некоторое сходство с теми законами, имеют уже свой местный, природный облик. Уложению 1649 года хотя и постановлено принимать в соображение гражданские законы греческих царей, и хотя, быть может, некоторые законы и действительно оттуда заимствованы, но ни в языке, ни в системе Уложения нет ничего римского, ничего Юстинианова [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 953. Л. 65–66].

Для реформатора преемственность законодательных норм начиная с Русской Правды очевидна. Возникшая на общеславянской основе, хотя имевшая византийские и немецкие корни, она представляла собой «первый законодательный памятник древнерусского государства». Судебники же 1497 и 1550 гг. как итог всей предыдущей законодательной деятельности своими источниками имели и древнее, и современное право. Исходя из фундаментальной идеи просветительно-буржуазной историографии о значении законодательства в истории России Сперанский при безусловно отрицательном отношении к деспотизму подчеркивал организующую роль монархической власти в развитии отечественного права: «Мысль о единообразии и правильном составе законов всегда была постоянною мыслию всех наших законодателей» [Сперанский, 1833, с. 53].

Важнейшими в истории России Сперанский считал XVII–XIX вв., когда происходили крупные изменения в фундаментальном законодательстве, административной системе и общественном строе страны. В записке 1827 г. для чиновников Второго отделения СЕИВК, занимавшихся составлением исторического свода для свода законов Российской империи, он указывал, что все изложение следует разделить на четыре периода. Первый период – «Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, которое составляет само собою эпоху, ибо на оном основаны все после изданные узаконения»; второй – от Уложения до 1714 г., также представлявший «особенную эпоху», поскольку в это время судопроизводство происходило на основании статей Уложения; третий период заключен в рамки от 1714 г. до царствования Екатерины II, когда «были дополнены многие прежние узаконения». Главным же Сперанский определял четвертый период «с 1762 года до настоящего времени», который знаменовался тем, что «законодательство получило во многих отношениях совершенно новый вид» [РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 87. Л. 141–142].

К анализу законодательства XVII в. Сперанский обращался несколько раз в своем творчестве и александровского, и николаевского времени. При этом приоритетное внимание было отдано Уложению 1649 г., которое рассматривалось с теоретической и исторической точек зрения. В том же «Отрывке о Комиссии уложения» 1802 г., выявляя институциональную сущность Уложения, он подчеркивал:



Уложение есть коренной закон государства... закон фундаментальный и непременный... Оно есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу... Уложение может приготовить путь к ней и расположить ум народный [Сперанский, 1961, с. 21, 22].

Следует сказать, что представления Сперанского находились вполне в рамках социально-политического лексикона начала XIX в. В это время конституция рассматривалась в категориях континентальной правовой системы XVIII в. и в рамках концепции «законной монархии» как «собрание коренных законов». Закрепляющая единые правовые принципы регламентации государственной и общественной жизни, устанавливающая «оптимальное соотношение прав и обязанностей граждан», конституция представлялась важнейшим инструментом укрепления российской государственности [Тимофеев, 2011, с. 309, 321]. Уложение же, полагал Сперанский, будучи ее частью, утверждало правопорядок, при котором сословная структура общества, социальный статус и имущественное положение отдельных состояний и сословий, их взаимоотношения друг с другом и органами власти, судоустройство и судопроизводство обеспечивались и гарантировались исходящими от монарха фундаментальными законами. Важнейшей функцией Уложения он считал идеологическую подготовку к введению конституции.

Обращаясь к определению исторического значения Уложения 1649 г., Сперанский подчеркивал, что оно являлось «более сводом законов прежних, нежели закон новый», и все же признавал его огромное значение в развитии российского государства и права. Поэтому неудивительно, что «великое дело законодательства» с 1700 по 1720 г., а затем с 1726 по 1754 г. было направлено на создание «сводного Уложения», основанного на Уложении 1649 г., которое, «занимая главное место, было пояснено и дополнено последующими узаконениями» [Сперанский, 1833, с. 8–9, 15, 17, 27–28, 42–54].

И все же представления Сперанского царствований Александра I и Николая I о первом имперском периоде законодательных работ, роли в создании «Книги законов» носителей верховной власти имеют существенные расхождения. В проектах раннего этапа его творчества правительственная деятельность определялась как спорадическая, бессистемная, лишенная «постоянного плана», «постоянного и твердого движения вперед». Стратегической же целью преобразовательной политики в сфере законодательства российских монархов XVIII в., по мнению Сперанского, было укрепление самодержавия:

Их всегдашнее старание было дать царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие... Ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России [Сперанский 1961, с. 17, 42–43].



Однако в работах, относящихся к 1826–1830 гг., то есть к периоду подготовки Полного собрания и Свода законов Российской империи, он подчеркивал позитивную сущность устремлений и намерений законодателей, прежде всего Петра I и Екатерины II. Тем не менее, для Сперанского характерно сдержанное, взвешенное отношение к преобразовательному наследию прошлого. В «Историческом обозрении Комиссии составления законов» 1826 г. правительственная законодательная деятельность XVIII в. делилась им на два основных периода: с 1700 по 1766 г. и с 1766 по 1801 г. Что касается первого периода, то Сперанский все свое внимание акцентировал на петровской Комиссии составления законов. Созданная указом от 18 февраля 1700 г., названная «Палатою об Уложении», она имела несколько внутренних периодов своей истории, которую он изучал на основании журналов или «записных книг» комиссии. Сперанский указывал, что, «помышляя о благосостоянии своих подданных и видя, что охранение добрыми законами личной безопасности и прав собственности есть необходимое условие промышленности, торговли, ремесел и художеств», видя недостатки отечественных законов и ознакомившись с законодательством западноевропейских государств, Петр I вначале имел намерение «соделаться творцом нового Уложения». Но, поскольку не было его «общего плана», а существующее законодательство, основанное на Уложении 1649 г., требовало систематизации и дополнения, то главным предметом комиссии в 1700–1720 гг. определялось составление «сводного Уложения».

Но уже в 1720 г. Петр I вновь вернулся к идее создания нового кодекса. С 1720 по 1725 г. деятельность комиссии была направлена на создание «нового российского Уложения» путем его свода с шведским и датским. И хотя в 1725 г. обер-секретарем Сената П. Сверчковым был составлен «общий план» под названием «Форма новоиспеченного Уложения», проект не был реализован. По мнению Сперанского, петровский проект создания нового Уложения оказался нереален не только в силу неосуществимости рецепции европейских кодексов из-за разницы в языках и системе законодательств, но и потому, что «собственное свое законоположение, разбросанное и противуречащее, не было еще сводом установлено» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 1–20 об.]. Как видно, важнейшей причиной неудач законодательных работ в Петровскую эпоху Сперанский считал отсутствие правил и знаний кодификационной техники, когда создание нового Уложения начинали, не собрав и не проанализировав весь законодательный материал.

Следующим важнейшим этапом в процессе формирования российского законодательства в XVIII в. Сперанский считал царствование Екатерины II, когда петровская идея о создании нового Уложения была востребована и обогащена новыми представительскими идеями и практиками. Манифестом 14 декабря 1766 г. создавалась комиссия «для сочинения проекта нового Уложения», которая «по важности своей отличалась от всех предыдущих не только обширностью состава»,

но и новым не чиновничьим, а сословно-представительным принципом своего формирования [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 30 об. –33].

При рассмотрении Наказа Екатерины II Комиссии об Уложении Сперанский подчеркивал представительство государственных крестьян и неправославного населения: «депутатов от неkochующих, в России живущих народов, какого бы они закона не были, от каждого народа из каждой провинции». Он указывал, что депутаты не только должны были иметь депутатскую неприкосновенность (освобождение от телесных наказаний, пыток, смертной казни), но и жалование; они также обязывались носить депутатские значки, чтобы современники и потомки «узнать могли, какому великому делу они были участниками» [Там же. Л. 33 об. –34]. Оценивая социально-политическое и историческое значение наказа, Сперанский писал:

В истории нашего законодательства, конечно, нельзя не упомянуть о том великом движении, которое произвелось чтением Наказа в сердцах представителей народов Российской империи, ибо действие оногo увековечено на самых страницах истории [Там же. Л. 36].

Открытие комиссии состоялось 30 июля 1767 г. На пятом «большом собрании депутатов» 9 августа 1767 г. от имени всех депутатов маршалу была представлена записка с просьбой «ознаменовать народную благодарность» Екатерине II принятием титула «Екатерины Великой, премудрой матери отечества». 12 августа всеподданнейшее прошение им было поднесено императрице, которая на это отозвалась следующими словами:

О званиях, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла, на сие ответствую:  
1. На «Великая» – о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить. 2. «Премудрая»: никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр. 3. «Матери отечества»: любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть от них любимую есть мое желание.

При этом Сперанский указывал, что данный собственноручно написанный отзыв Екатерины II хранится в архиве Правительствующего Сената [Там же. Л. 36 об. –37].

В деятельности екатерининской Уложенной комиссии Сперанский отмечал ее состав, управление, систему функционирования, особо подчеркивая роль входящих в нее главной «дирекционной» комиссии и комиссии «для разбора депутатских наказов». Но уже 20 декабря 1767 г. комиссия была закрыта, а через год 17 декабря 1768 г. было распущено «большое депутатское собрание». По мнению Сперанского, неудача екатерининского представительского опыта законодательства была объективна и обусловлена отсутствием не только плана или «проекта Уложения», но и опыта законодательной работы, то есть непрофессионализмом депутатского корпуса:

Коренной недостаток всего дела состоял в том, что не было наперед составлено никакого проекта Уложения. Собрание депутатов, столь огромное, могло бы, может быть, с пользою рассуждать о законах, но не могло, конечно, их составить. Через два года неудачных опытов, удостоверив в сей истине, положили распустить сие собрание; но предприятие, столь великолепно возведенное, не могло быть разрушено без некоторой постепенности [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 44–44 об.].

Стремление проследить эволюцию «феодального самодержавства» [Сперанский, 1961, с. 24, 45, 67] в абсолютизм Нового времени, основанный на систематизированном законодательстве и модернизированном управлении, определило обращение Сперанского к изучению истории его формирования. Ряд работ конца александровского и начала николаевского царствования отражают воззрения реформатора на управленческие институты, существовавшие в различные периоды российского исторического прошлого. Ко времени управления Сибирью (1819–1821) относится его «Записка о необходимости и путях изменения военных принципов управления страной на гражданские», главной идеей которой был военно-политический характер российской государственности, сложившийся в ходе исторического развития и имевший огромное значение в оформлении личности России, устойчивости в ней самодержавия и крепостного права. В работе подчеркивалось:

Россия есть и всегда была государство военное. Гражданские ее установления суть средства, а не цель ее бытия. Они не имеют самостоятельности ни в людях, ни в законах, ни в учреждении, ни в воспитании. Начала ее управления всегда были совершенно военные [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 747. Л. 1–1 об.].

И хотя Российская империя своим державным могуществом, развитием промышленности, торговли, то есть «внешним величием», была обязана именно «военному началу» государственного управления, но, по мнению Сперанского, оно полезно для формирующихся государств, а в процессе институциональной эволюции делается вредным [Там же. Л. 2 об. – 3 об.].

В программных записках конца 1820-х гг. он также обращался к истории создания и развития абсолютистской административной системы, выявлению сходств и различий преобразовательной политики в сфере управления в XVII – начале XIX в. В проекте 1827 г. «О государственных установлениях» Сперанский рассмотрел «образ управления», который предшествовал петровским преобразованиям и был создан Петром I. По его мнению, управленческая структура в XVII в. состояла из трех видов «государственных установлений»: «высшего совещательного» (Боярская дума, Ответная палата, Расправная палата), «среднего – судебные вместе и управительные учреждения» (мо-

сковские приказы, где руководили – дьяки) и «нижнего» – «третья и низшая степень управления, вверяемого местным воеводам и провинциальным начальникам». Неудобства первых двух установлений, по мнению Сперанского, состояли в том, что «высшая степень – совещательные палаты не имели единства, а средняя была самовластным приказным управлением». Поэтому новый управленческий порядок, установленный Петром I, начался с соединения всех государственных дел, «в палатах рассеянных», в один состав, в «Ближнюю Государеву канцелярию». В 1711 г. был создан коллегиальный Сенат, вначале как временный, а затем постоянный как высший орган власти, обладающий полномочиями в сфере законодательства, а также управленческими и судебными функциями. «Беспорядки и злоупотребления бывшего личного приказного управления» обусловили введение в 1718 г. коллегий. Тем не менее, и в управленческой системе Петра I было несколько «коренных недостатков»: «смешение в пределах власти», то есть дублирование управленческих прерогатив Сената и коллегий; «смешение в образе производства дел», когда по Генеральному регламенту 1720 г. везде устанавливался и приказной, и совещательный образ администрирования. В результате петровские «государственные установления начали уже колебаться еще при жизни самого их учредителя» [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–10, 20 об. – 23 об.].

К данному проекту примыкает «Обозрение гражданских установлений» также 1827 г., в котором Сперанский продолжил исторические изыскания, но уже применительно ко всему XVIII – началу XIX в. Источниками его были не только законодательные акты, прежде всего указы, но и нормативные и делопроизводственные документы, в том числе должностные инструкции. Начиная с Петровской эпохи историю «внутреннего управления» в России он делил на четыре периода и, соответственно, на четыре главные управленческие системы: «1) система Петра Великого, 2) система 1775 года, 3) система 1797 года и, наконец, 4) система настоящая». Реформатор считал, что по своему существу административная система, установленная Петром I в 1718–1722 гг., состояла из двух частей: государственного управления, отданного коллегиям, «общим собранием которых являлся Сенат», и губернского управления в лице губернаторов, им подчиненных. Таким образом, «средоточие губернского управления было в коллегиях, а средоточие коллегий – в Сенате» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 24–25]. Однако в петровской системе «не было соразмерности» – «государственное управление было довольно сильно, губернское – слабо», что становилось все более очевидным с развитием промышленности и торговли.

Поэтому при Екатерине II все государственное управление было отдано «одному государственному установлению» – Сенату, разделенному на департаменты, а коллегии (исключая три первых, наиболее важных) «переместились в губернное управление» и были размещены в губернском правлении, суде и казенной палате. В силу этого

необходимо было усовершенствовать губернское управление, ввести наиболее удобное деление губерний, отделить в них власть судебную от полиции, а последнюю – от хозяйства. На это и были направлены «Учреждения для управления губерниями» 1775 г., которые, как никакое другое преобразование, как указывал Сперанский, «подвигли Россию столь далеко в путях благоустройства». Но «Учреждения» также имели свои недостатки, главными из которых он считал отсутствие законодательной основы их реализации и «неопределенность и непрочность» административного статуса генерал-губернаторов. Кто они были – управленцы или надзирающие за деятельностью местной администрации сановники? Эта неопределенность привела к тому, что, как писал Сперанский,

...Звание генерал-губернатора, уваженное сначала, когда они представляли в себе не губернских правителей, но вельмож, присланных и уполномоченных правительством на время для открытия губерний, впоследствии приняло все личные свойства тех, коим оно было вверено, и в одних превратилось в пышное почти азиатское самовластие; в других пало в бездействии [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 27–29].

Преобразования в государственном управлении при Павле I сводились к восстановлению уничтоженных коллегий, отмене института наместников или генерал-губернаторов, сокращению судебных мест в губерниях. С точки зрения Сперанского, важнейшим недостатком данной системы был «двойной комплект одних тех же коллегий: ибо губернские места не что другое суть, как те же самые коллегии, тому же самому Сенату и в той же степени подчиненные и теми же самыми делами управляющие». Кроме этого, упразднение наместников привело к тому, что на местах не осталось никакого правительственного контролирующего органа, кроме генерал-прокурора, который «никакой власти в губернских местах не имеет» [Там же. Л. 29 об. –30].

История «настоящего образа» управления, формирование которого Сперанский относил к 1802, 1810 гг., когда создавалась министерская система, а Государственный совет стал «государственным установлением», имела два внутренних периода. В учреждении министерств он усматривал «два плана: один 1802 года, другой 1810», главная мысль которых была одна и та же, но «порядок учреждения различен». В 1802 г., считал реформатор, были «учреждены собственно не министерства в виде государственных установлений, но министры с канцеляриями в виде главных директоров, управляющих коллегиями». Чтобы исправить это положение и убрать «коренное неудобство», когда «государственное установление в виде ли коллегий или в виде департаментов» представляло собой «нечто среднее, нечто неопределенное между Сенатом и губернскими управлениями», 25 июля 1810 г. было обнародовано «новое распределение государственных дел между министерствами». Но оставался Комитет

министров, который, как полагал Сперанский, представлял собой «не что иное, как отдельное присутствие Первого департамента Сената», действующее на основании особенных правил. Это самостоятельное существование комитета как мера временная было необходимо, но как «установление постоянное» приводило к бесполезному разделению государственных дел, двойному их рассмотрению и в комитете, и в Сенате.

Сперанский считал, что подобное положение обуславливалось тем, что только две части административной системы России были модернизированы – министерства и Государственный совет, а две другие – Сенат и губернское управление – остались только в проектах. К этому добавлялось отсутствие взаимосвязи и правильных взаимоотношений «Учреждения для управления губерниями» с устройством и полномочиями Сената: «Два строения стояли на разных основах, хотя оба принадлежали к одному зданию». В силу этого, возвращаясь к своему проекту 1811 г., Сперанский предлагал разделить сенатские управленческие и судебные функции и создать Правительствующий и Судебный сенаты. Первый следовало установить для всей империи один, а второй разместить по округам в Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Что касается губернского управления, то он упоминал о своей корректировке «Учреждения наместничеств» и сожалел, что этот проект не был реализован до конца [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 30–41 об.].

Следует подчеркнуть, что и другие представители управленческой элиты во всеподданнейших записках, докладах и «мнениях» обращали внимание на исторический опыт проведения административных преобразований в XVIII – начале XIX в. Причем всякий раз актуализация наследия прошлого была связана с проблемой модернизации существующей системы государственной власти. Поскольку важное и «освященное временем» место в ней с эпохи Петра I принадлежало Сенату, функции и статус которого несколько раз менялись, то вопрос о его «правах и преимуществах» уже в начале царствования Александра I был поставлен как первоочередной. При этом борьба за влияние на императора двух основных сановных «партий» – «екатерининских стариков» сенаторов и «молодых друзей» членов Негласного комитета – во многом нашла отражение в бюрократических спорах о сенатской реформе.

Одним из старейших сенаторов П. В. Завадовским в июне 1801 г. было составлено «Мнение о правах и преимуществах Сената», в котором он подчеркивал преемственность самодержавной монархии и призывал императора вернуться к петровской системе государственного управления, «восстановить Сенат на прежнюю степень верховного места» с предоставлением ему высшей исполнительной и судебной власти [Мнение о правах, с. 100, 101, 105]. Кроме этого, им был сочинен сенатский всеподданнейший доклад, имевший в своем основании идеи записки сенатора Д. П. Трошинского «О причинах унижения Сената». Завадовский в докладе утверждал, что в таком



обширном и многонациональном государстве, как Россия, вся законодательная власть должна принадлежать монарху, а Сенат, члены которого им назначаются, обязан быть только «верховным правительством». Однако другие сенаторы, в том числе А. Р. Воронцов, Н. С. Мордвинов, С. П. Румянцев, считали необходимым не только наделить его законодательными полномочиями, но и ввести новый порядок организации и составления. Мордвинов предлагал сделать Сенат выборным органом дворянского представительства. Подобный способ формирования высшего учреждения империи рассматривался им как инструмент предотвращения «деспотического правления» и «органическое продолжение политики Екатерины II, предоставившей дворянству избирать судей и предводителей» [Тимофеев, 2006, с. 169–172]. В «Плане всеобщего государственного образования» 1809 г. Сперанский, определяя Сенат как верховный судебный орган, также считал, что он должен состоять из сенаторов, избранных в губернских думах, но утвержденных императором.

В своем «мнении» сенатор Г. Р. Державин указывал, что Петр I создал Сенат на время своего отсутствия и вверил ему четыре власти – законодательную, исполнительную, судебную и «оберегательную», но не успел разделить их между собой. Поэтому надо вернуться к петровской концепции Сената с предоставлением ему всех четырех указанных властей при отделении их друг от друга. Но поскольку Россия как европейское государство «в нравственном и политическом состоянии» уже не та, как во времена Петра I, то следует превратить Сенат в представительный орган высшего дворянства. Предложения Мордвинова и Державина не получили поддержки большинства сенаторов и подверглись критике «молодых друзей», от имени которых 5 августа 1801 г. Н. Н. Новосильцов подал Александру I всеподданнейшую записку. В ней также отмечался временный характер учреждения Сената при Петре I, но вывод делался иной. «Молодые друзья», считая преждевременным его превращение в представительный орган и стремясь сохранить всю законодательную власть в руках императора, предлагали отделить судебные полномочия данного органа от административных. Это нашло отражение и в их сенатском проекте, подготовленном П. А. Строгановым, который был представлен Александру I 9 декабря 1801 г. [Сафонов, с. 150–152, 155–159, 194–198]. В целом указанные идеи предвосхитили проекты Сперанского 1811 и 1827 гг. о создании Судебного и Правительствующего сенатов.

Исторические аспекты проблемы Сената нашли отражение и во всеподданнейших записках В. П. Кочубея 1814 г. и Д. А. Гурьева 1816 г. Как и Сперанский, авторы рассматривали ее в тесной связи с формированием и эволюцией административной системы абсолютной монархии в царствования Петра I, Екатерины II, Павла I и в начале правления Александра I. Гурьев указывал, что переход к «системе Петра Великого» начался с учреждения в 1711 г. вначале временного, а потом постоянного «управительного Сената». «Недостаточность»



и несоответствие целей и результатов преобразований обусловили оформление в 1718 г. коллегиальной системы управления. Новый управленческий порядок не изменил высокого положения Сената, который в Петровскую эпоху являлся «верховным местом в порядке законодательном, исполнительном и судном». Однако именно в «смещении властей», по мнению Гурьева, заключались «непрочность установления Сената и корень тех перемен, которым он почти непрерывно был подвержен» [Гурьев, с. 42–47]. Об этом же писал В. П. Кочубей, подчеркивая, что особое внимание на сенатский вопрос обращала Екатерина II, поскольку роль органа верховного правительства не соответствовала принципам функционирования Сената. Необходимо было «довершение его образования», так как и в настоящее время «смещение, которое во всей Европе один только Сенат наш представляет», заключается в его обязанностях «и законодательных, и исполнительных и судных» [Кочубей, с. 13–14]. Важнейшим обоснованием сенатской реформы по «Плану» 1809 г. Сперанский также определял «смещение дел управления и суда в Сенате, которое дошло уже до такого беспорядка... что нельзя более отлагать нужные меры и исправления» [Сперанский, 1961, с. 233].

Но и в организации центрального управления даже после создания в 1802 г. министерств не было достигнуто должного порядка. Первая министерская реформа, противоречивая и незавершенная, подверглась критике прежде всего самих министров, в том числе являвшихся ее разработчиками. 18 июля 1803 г. Кочубей подал Александру I докладную записку, в которой утверждал, что главной преградой к успешному функционированию системы министерств является сохранившийся «коллегиальный порядок». В записке 1806 г. «Об учреждении министерств» он подчеркивал необходимость четкого определения функций и порядка взаимоотношений министров как между собой, так и между ними и Комитетом министров, Государственным советом, Сенатом [Тимофеев, 2006, с. 156]. В упоминаемой записке 1814 г. Кочубей указывал, что важнейшим недостатком российской системы государственной власти является «сохранившееся с прошлых времен смещение законодательства, управления и судопроизводства» в деятельности государственных органов. Он полагал, что прежде всего Комитет министров, дублирующий законосовещательные полномочия Государственного совета, следует сделать коллегиальным органом «для совещания по исполнительной части», то есть «советом министров» [Кочубей, с. 7, 9–11].

С точки зрения Гурьева, манифест 8 сентября 1802 г. только заложил основание «лучшему образу управления в порядке исполнительном», который был усовершенствован в «новом образовании» Государственного совета 1 января 1810 г. и «Общем учреждении министерств» 25 июня 1811 г. Однако реформы 1810 и 1811 гг. обусловили «новые противоречия и недостатки». Важнейшим из них он считал сохранившееся смещение законосовещательных функций Государственного со-

вета с его полномочиями решать «важнейшие дела управления по исполнительной части и некоторые судебные». Кроме этого, опасения Гурьева вызывали принцип «единоначалия» и «самовластие» министров, ограничивающие верховную власть императора. Он предлагал учредить правительственную систему, сочетающую коллегиальную и министерскую формы управления и состоящую из коллегий и департаментов, подчиненных министерствам [Гурьев, с. 59–107].

Недостатки реформ 1802, 1810, 1811 гг., очевидные министрам, и в целом проблема министерств обусловили дилемму – коллегиальная или министерская система – которая являлась актуальной в бюрократической среде весь XIX в. Тот же Д. П. Трощинский в записке, посвященной институциональным последствиям ликвидации коллегий, подчеркивал, что для самодержавной России наиболее приемлем «обряд коллегиальный, то есть форма государственного совещательного управления», подчиненного закону и исключаящего всякий произвол. По его мнению, коллегиальность является не только основой стабильности государственного управления России, но и гарантией незыблемости ее политического и социального строя. Определяя важнейшими эпохами «органических» преемственных преобразований царствования Петра I, Екатерины II и Александра I, он утверждал, что главная цель министерской реформы – привести в соответствие организацию центральной власти с «Учреждениями» 1775 г. – не была достигнута: «На место коллежского, т. е. правильного товарищеского управления введено управление канцелярское, т. е. произвольное или единоличное». Это изменило соотношение государственных органов, разрушило их равновесие, поскольку «самовластные министры», будучи «суперарбитрами» в делах, их интересующих, в остальных оказывались «слепыми орудиями своих чиновников» [Записка Д. П. Трощинского, с. 2, 34, 37, 40, 41].

Об этом же писал в 1827 г. во всеподданнейшей записке «О коллегиальном и министерском управлении в России» Н. С. Мордвинов. Уничтожение коллегиального порядка, основанное на объективной потребности новых форм администрирования, не привело к рационализации и повышению оперативности деятельности органов центральной власти. Более того, «управление стало производиться по министерским мнениям, часто заменяющим законы». Как ни полезно учреждение министерств, но «единоличное управление, зависящее от умственных способностей и душевных качеств правителей», приводит к дестабилизации управленческой системы. В силу этого Мордвинов призывал Николая I восстановить коллегиальное управление [Мнение адмирала, с. 154, 155, 157].

Между тем, еще в записке 1804 г. на высочайшее имя, озаглавленной «Размышления о государственном устройстве империи», Сперанский также подчеркивал, что важнейшим «препятствием» в работе министерств является отсутствие четкой юридической регламентации полномочий, «самовластие» министров,

а важнейшими причинами необходимости преобразований центрального управления в «Плане» 1809 г. он определял «недостаток ответственности» (государственной и личной) министерского корпуса [Сперанский, 1961, с. 66–67, 202–203].

Однако в оценке представительского опыта законодательства, как исторического, так и современного европейского, позиция Сперанского отличалась от характеристик других сановников. С точки зрения Кочубея,

...в России, где государь есть глава всех трех частей, правительство составляющих, принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту, как Государственному совету. Не могут они присвоены быть депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам, ибо степень просвещения есть еще слишком в империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим [Кочубей, с. 8].

Гурьев, в отличие от Сперанского, определяя историческое и социально-политическое значение наказа Екатерины II Уложенной комиссии, подчеркивал, что данный документ прежде всего воплощал в себе важнейшую идею государственной доктрины императрицы о позитивной сущности просвещенного абсолютизма и являлся первой попыткой законодательно закрепить правовой статус самодержавия [Гурьев, с. 39, 40].

\* \* \*

Анализ законодательных проектов и записок М. М. Сперанского в контексте русской истории дает основание сделать некоторые выводы. В теоретико-методологическом аспекте для его исторического сознания характерны сочетание западных и самобытных тенденций и отказ от европоцентризма, что определялось синкретическим характером модели национального либерализма, одним из основоположников которого он являлся. Важнейшей особенностью историзма Сперанского были юридический взгляд на русское прошлое и рассмотрение российского исторического процесса как эволюции законодательства в тесной связи с развитием государственности. Главным предметом его исторических изысканий были правительственные поиски упорядочения и систематизации законов за сто лет имперского периода (XVIII – начало XIX в.), которые он рассматривал как единый целостный процесс, составную часть российской модернизации и связывал с преобразованием государственного управления. При этом единство стратегической цели официального реформаторства, направленного на укрепление и развитие абсолютистской государственности, не предполагало единства тактических средств ее достижения: если Петр I в своем проекте «регулярного

государства» основывался на западноевропейской рационалистической философии, Екатерина II проводила политику «просвещенного абсолютизма», то Александр I использовал правительственный конституционализм. Тем не менее, для Сперанского характерно сдержанное, взвешенное отношение к преобразовательному наследию предыдущих эпох. Неоднозначность исторических оценок реформатора основывалась на официальной компромиссной концепции государственного строительства по западным образцам с их адаптацией к российским условиям, что обуславливало догоняющую модель развития России.

### Список литературы

- Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М. : Наука, 1985. 270 с.
- Гурьев Д. А.* Об устройстве верховных правительств в России // СИРИО. Т. 90. СПб. : Гос. тип., 1894. С. 39–107.
- Записка Дмитрия Прокофьевича Трошинского о министерствах // СИРИО. Т. 3. СПб. : Гос. тип., 1868. С. 1–162.
- Корнилов В. А.* К вопросу об исторических взглядах М. М. Сперанского // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории : сб. ст. М. : МГПИ, 1974. С. 15–21.
- Кочубей В. П.* О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие. 1814 г. // СИРИО. Т. 90. СПб. : Гос. тип., 1894. С. 5–26.
- Мнение адмирала Мордвинова о коллегиальном и министерском управлении в России, отправленное при письме к государю императору 1 июня 1827 г. // ЧОИДР. Кн. 3. М. : Гос. тип., 1864. С. 154–160.
- Мнение о правах и преимуществах Сената графа Завадовского // ЧОИДР. Кн. 1. М. : Гос. тип., 1864. С. 100–107.
- ОР РНБ. Ф. 637 (К. Г. Репинский). Д. 747; Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 67, 69, 75, 99, 924, 938, 953, 1205.
- РГИА. Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 года). Оп. 1. Д. 67; Ф. 1646 (П. М. Майков). Оп. 1. Д. 87.
- Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. : Наука, 1988. 248 с.
- Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1833. 206 с.
- Сперанский М. М.* Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 244 с.
- Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск : Пирс, 2006. 200 с.
- Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 456 с.

### References

- Alpatov, M. A. (1985). *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII – pervaya polovina XIX v.)*. [Russian Historical Thought and Western Europe (18<sup>th</sup> – First Half of the 19<sup>th</sup> Centuries)]. Moscow, Nauka. 270 p.
- Gur'ev, D. A. (1894). Ob ustroistve verkhovnykh pravitel'stv v Rossii [On the Structure of the Supreme Governments in Russia]. In *SIRIO*. Vol. 90. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 39–107.

Kochubei, V. P. (1894). O polozhenii imperii i o merakh k prekrashcheniyu besporyadkov i vvedenii luchshego ustroystva v raznye otrasli, pravitel'stvo sostavlyayushchie. 1814 g. [On the State of the Empire and on Measures to Stop the Unrest and Introduce a Better Functioning in Various Sectors Comprising the Government. 1814]. In *SIRIO*. Vol. 90. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 5–26.

Kornilov, V. A. (1974). K voprosu ob istoricheskikh vzglyadakh M. M. Speranskogo [On the Historical Views of M. M. Speransky]. In *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya otechestvennoi istorii. Sbornik statei*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, pp. 15–21.

Mnenie admirala Mordvinova o kollegial'nom i ministerskom upravlenii v Rossii, otpravlennoe pri pis'me k gosudaryu imperatoru 1 iyunya 1827 g. [Opinion of Admiral Mordvinov on the Collegiate and Ministerial Administration in Russia Sent in a Letter to the Emperor on June 1, 1827]. (1864). In *ChOIDR*. Book 3. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 154–160.

Mnenie o pravakh i preimushchestvakh Senata grafa Zavadovskogo [Opinion on the Rights and Benefits of the Senate of Count Zavadovsky]. (1864). In *ChOIDR*. Book 3. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 100–107.

*OR RNB* [Manuscript Section of the National Library of Russia]. Stock 637 (K. G. Repinskii). Dos. 747; Stock 731 (M. M. Speranskii). Dos. 67, 69, 75, 99, 924, 938, 953, 1205.

*RGIA* [Russian State Historical Archive]. Stock 1167 (Komitet 6 dekabrya 1826 goda). List 1. Dos. 67; Stock 1646 (P. M. Maikov). List 1. Dos. 87.

Safonov, M. M. (1988). *Problema reform v pravitel'svennoi politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv.* [The Problem of Reforms in the Government Policy of Russia at the Turn of the 19<sup>th</sup> Century]. Leningrad, Nauka. 248 p.

Speransky, M. M. (1833). *Obozrenie istoricheskikh svedenii o Svode zakonov* [Review of Historical Information about the Law Code]. St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 206 p.

Speransky, M. M. (1961). *Proekty i zapiski* [Projects and Notes] / ed. by S. N. Valk. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 244 p.

Timofeyev, D. V. (2006). *Evropeiskie idei v Rossii: vospriyatie liberalizma pravitel'svennoi elitoy v pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in Russia: The Perception of Liberalism by the Government Elite in the First Quarter of the 19<sup>th</sup> Century]. Chelyabinsk, Pirs. 200 p.

Timofeyev, D. V. (2011). *Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in the Socio-Political Lexicon of an Educated Russian Subject of the First Quarter of the 19<sup>th</sup> Century]. Chelyabinsk, Entsiklopediya. 456 p.

Zapiska Dmitriya Prokof'evicha Troshchinskogo o ministerstvakh [Note by Dmitry Prokofievich Troshchinsky on Ministries]. (1868). In *SIRIO*. Vol. 3. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 1–162.

*The article was submitted on 26.10.2021*